ХОСЕ РИСАЛЬ

М. АКОПОВА

19 июня исполняется 100 лет со дня рождения национального героя филиппинского народа Хосе Рисаля. Необычайно одаренный человек, писатель и поэт, талантливый филолог и естественник, скульптор и художник, выдающийся врач-окулист, он принадлежит к числу самых замечательных людей не только Филиппин, но и всей Азии.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Хосе Рисаль родился в небольшом филиппинском городке Каламба. Его мать была очень образованной женщиной и на первых порах сама обучала своих детей. Семья была настолько состоятельной, что смогла дать образование всем одиннадцати детям. Но даже богатство не могло оградить ее от произвола колониальных властей. Позднее Рисаль вспоминал: «Еще ребенком я был свидетелем несправедливости и жестокости, и это так поразило мое воображение, что я поклялся посвятить себя мести за эти жертвы: с этой мыслью я учился и это наложило отпечаток на все написанное мною».

Окончив начальный курс, Рисаль поступает в Атенео — известный колледж в Маниле, содержавшийся главным образом на средства ордена иезуитов.

Способный, схватывающий все на лету, юноша учился прекрасно. Его увлекает поэзия. В 1880 году Лицей искусства и литературы в Маниле объявляет конкурс на лучшее стихотворение к юбилею Сервантеса. Жюри присуждает премию Рисалю, но когда выясняется, что автор не испанец, премию передают другому.

Репрессии испанских колонизаторов против филиппинцев усиливаются. В 70-х годах отъезды состоятельных филиппинцев за границу учащаются и становятся похожими на бегство. В 1881 году уехал в Европу и молодой Хосе Рисаль.

Он учился в Испании, окончил филологический и медицинский факультеты Мадридского университета, обнаружив склонность к научным исследованиям. Однако новые интересы и старая страсть — литература не помешали ему участвовать в общественной жизни филиппинской колонии в Мадриде. Именно в эти годы Рисаль приходит к выводу, что занятия литературой и наукой не дают человеку права забывать о своем гражданском долге. Вот одно из его писем:

«Главное, что необходимо филиппинцу нашего поколения, — это не литературные достоинства, ему необходимо быть настоящим человеком, настоящим гражданином, который и своим умом, и своим сердцем, а случится — и своими руками помогал бы развитию страны».

Рисаль решает создать роман о Филиппинах, роман, в котором должна быть только правда. Воплощению своего замысла он отдает шесть лет — первые страницы рукописи набросаны в Мадриде, а завершена она в Германии. В 1887 году книга вышла в свет.

Это был роман «Ноли ме тангере» («Не прикасайся ко мне») — самое известное и самое значительное произведение Рисаля. На Филиппины роман провозили тайно и распространяли очень осторожно. У властей и церковников он вызвал такую ненависть, что имя автора было предано анафеме, а все его родственники подверглись гонениям. Всякий, у кого находили роман, подлежал немедленному аресту. Иезуиты обвинили писателя в ереси, клевете и всех смертных грехах; утверждали даже, что он немецкий шпион и книга писалась по указке немцев.

Роман «Не прикасайся ко мне» — это книга о страданиях филиппинского народа, изнывающего под гнетом монашеских орденов, о произволе жестоких и алчных колонизаторов, это книга о поруганной родине. «Я написал «Ноли ме тангере», чтобы пробудить моих соотечественников, я буду счастлив, если среди пробужденных будет много достойных бойцов», — так говорил Рисаль о том, что заставило его взяться за перо.

Свою задачу писатель выполнил с честью. Его книга стала учебником, на котором воспитывалась молодежь — участники народного восстания 1898 года. Как это часто бывало в истории мировой литературы, Рисаль-художник призывал к революции вопреки Рисалю-политику, боявшемуся революционного насилия. Сторонник идей просвещения, он выступает как один из организаторов и вдохновителей движения за реформы на Филиппинах, принимает активное участие в создании общества «Солидаридад» («Солидарность»), сыгравшего значительную роль в росте самосознания филиппинской интеллигенции. Особой заслугой Рисаля, свидетельствующей о незаурядных способностях его как политического вождя, было то, что главной задачей он считал объединение всех прогрессивных сил страны.

Он редактирует газету общества, которая издается филиппинской колонией в Барселоне, высту-

пает на её страницах с антиклерикальными памфлетами «По телефону» и «Видение брата Родригеса».

Рисаль блестяще владел пером публициста. Его памфлеты порой не уступают лучшим образцам антиклерикальной сатиры французских просветителей XVIII века. Особую остроту памфлетам придает то, что, высмеивая невежество монахов, Рисаль проявляет необыкновенную эрудицию ученого-полиглота, владеющего 42 языками.

Прекрасным примером актуальности публицистики Рисаля может служить его статья «О «Тагальском театре» Баррантеса». «Тагальский театр» — это серия статей, в которых испанский чиновник-графоман Баррантес, проведший несколько лет на Филиппинах, пытается «исследовать» тагалогскую культуру. Выступление Рисаля по, казалось бы, частному поводу выливается в пламенную защиту права каждой страны на неприкосновенность своей национальной культуры.

Патриот и гуманист, Хосе Рисаль гневно разоблачает расовые теории колонизаторов. В статье «О праздности филиппинцев» он с возмущением и горечью говорит о том, что европейцы сознательно держат население Филиппин и других стран Азии в невежестве, не только не просвещая народ (тут сказываются некоторые просветительские иллюзии писателя), но и сознательно тормозя его развитие. Очень выразительно пишет он об этом в статье «Филиппины через 100 лет»:

«Он (народ. — **М. А.**) видит, что вся эта любовь и забота — не что иное, как проделки кормилицы, которая, не имея возможности жить другим трудом, хотела бы сделать вечным детство ребенка, продлить его беспомощность, чтобы и дальше взимать плату и питаться за его счет. Он видит, что кормилица эта не только не кормит его, чтобы он мог расти, но еще и опаивает его зельем, чтобы воспрепятствовать его росту, и что стоит ему только запротестовать, как она выходит из себя».

Статья раскрывает перед читателями страницы истории многострадального филиппинского народа. Говоря о будущем своей страны, Рисаль-историк поражает нас предвидением, основывающимся на прекрасном знании политической обстановки в современном ему мире. За семь лет до филиппинской революции 1898 года, еще до того как США предприняли серьезные попытки укрепить свое влияние на Филиппинах, он сумел разглядеть, откуда придет новая опасность: «...Великая Американская Республика с ее интересами на Тихом океане, не участвующая в африканском грабеже, задумается однажды о приобретении заморских владений».

«Филиппины через 100 лет» — это предупреждение Рисаля испанскому правительству. В статье сквозит уверенность, что, если правящие круги в ближайшем же будущем не проведут никаких преобразований, чтобы изменить положение к лучшему, — революция неизбежна.

К концу 1891 года Рисаль заканчивает свой второй роман «Флибустьеры». По сюжету и идее — это продолжение первого его романа «Не прикасайся ко мне». Выступая против произвола монашеских орденов, Рисаль снова показывает неизбежность восстания, хотя его отношение к этому пути борьбы скорее отрицательное. Однако все его творчество, независимо от его желания, объективно зовет народ к революции.

С Филиппин в Европу доходят все более тревожные вести. Родственников автора запрещенных романов бросают в тюрьму. Вся многочисленная семья Рисаля подвергается беспрерывным гонениям.

В разных областях Филиппинского архипелага вспыхивают стихийные восстания, направленные против монахов и испанской администрации. Рисаль считал, что долг каждого филиппинца в такое время — быть на родине и принять участие в борьбе. Поэтому в 1892 году, несмотря на многочисленные предостережения доброжелателей, он возвращается на Филиппины.

Рисаль сознавал, что этот шаг опасен, что, быть может, ему придется поплатиться жизнью, но это не останавливает его.

Вскоре по возвращении Рисаль был арестован и сослан в Дапитан, на остров Минданао, под строгий надзор. Все свое время он посвящает теперь научным исследованиям, медицинской практике, обучению детей. Но и не принимая участия ни в каких политических событиях, он остается опасным для властей и церковников. На Филиппинах имя Рисаля — это символ постоянной и неутомимой борьбы во имя свободы, и об этом не забывали монахи, как бы «безопасен» он ни был в ссылке. Святой церкви, с которой Рисаль боролся всю жизнь, нужно громкое отречение еретика от всех его принципов. Иезуит отец Пастельс, бывший учитель Рисаля в Атенео, шлет бесправному изгнаннику провокационные письма. Но Рисаль остается честным до конца. Дух замечательного гуманиста не сломлен. На ханжеские призывы иезуита слепо верить судьбе, ибо человек несовершенен, Рисаль отвечает: «Для меня человек — это творение совершенное, безупречное во всех отношениях, которое нельзя лишить ни одного из его компонентов, как духовных, так и физических, без того, чтобы его не изуродовать или унизить».

Из писем этого периода мы узнаем, что Рисаль интересовался искусством, историей и литературой народов всего мира не меньше, чем прежде. Он был знаком и с творчеством русских писателей — Гоголя, Тургенева, Данилевского. Его не оставляет вера в человека. Из далекого Дапитана Рисаль пишет своему племяннику Альфредо Идальго: «Жить — значит быть среди людей, а быть среди людей — значит бороться. Но это не грубая материальная борьба только с людьми: это борьба с людьми и с самим собой, со страстями других и со своими собственными, с ошибками, с заботами. Эта борьба постоянна, борьба с улыбкой на устах и со слезами в сердце. И в этой битве у человека нет лучшего оружия, чем ум. Укрепи свой ум, укрепи и воспитай свое сердце».

26 августа 1896 года начинаются волнения на Филиппинах. Их начало было поводом для ареста Рисаля. Долгожданный предлог найден. Мракобесы **торопятся**. Отвратительная комедия суда протекает в ускоренном темпе. 29 декабря 1896 года Рисаль приговорен к смертной казни за «измену родине» и в тот же день казнен. Ему было 35 лет.

Смерть Рисаля усилила взрыв народного возмущения, его имя стало священным знаменем восстания. Умирая, Рисаль обратился к своей родине:

Прощай, моя родина,
Жемчужина южных морей,
Край, обласканный солнцем,
Мой потерянный рай!
Тебе приношу искры гаснущей жизни своей,
Но, будь она в самом цвету,
Трижды ярче и трижды ценней,
Отдал бы и тогда,
Если б ты сказала: «Отдай!»